

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

А.В.Калюта

Искусство жить в двух мирах: индейская знать Новой Испании в XVI—XVII веках

В статье рассматривается правовое и социально-экономическое положение индейской знати в вице-королевстве Новая Испания — обширном административном образовании, созданном испанскими завоевателями на территории Мексики и Центральной Америки в 1535 г. Основной акцент делается на политике испанской короны по отношению к местной знати и факторам, которые ее определяли. Отмечается заинтересованность испанских светских властей и католической церкви в сохранении привилегированного статуса индейской элиты для использования ее в качестве посредников в управлении основной массой индейского населения. Ставится также вопрос о стратегиях адаптации представителей аборигенных элит к новым социальным, экономическим и культурным условиям на примере трех конкретных случаев: детей последнего доиспанского правителя «ацтекской империи» Моктесумы Шокойоцина, потомков последнего правителя государства тарасков (пурепеча) Цинцичи Таганшуана II на западе Мексики и миштекских касиков Оахаки — исторической области на юго-западе Мексики. В каждом конкретном случае подробно рассматривается имущественное и правовое положение данных представителей аборигенной знати, степень их общей испанизации и вовлеченности в экономические и социальные отношения вице-королевства. Делается вывод о довольно быстрой и успешной интеграции индейской элиты в колониальное общество за счет хорошо разработанной и реализованной стратегии адаптации к новым экономическим, социальным и культурным реалиям, включая «добровольное» принятие христианства.

Ключевые слова: Новая Испания, индейская знать, социально-правовое положение, стратегии адаптации.

DOI: 10.31857/S0044748X0008146-9

Статья поступила в редакцию 06.08.2019.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙСКОЙ ЗНАТИ В ВИЦЕ-КОРОЛЕВСТВЕ НОВАЯ ИСПАНИЯ В XVI—XVII ВЕКАХ

В 500-летнюю годовщину завоевания Мексики испанцами трудно обойти столь важный вопрос, как правовое и социально-экономическое положение

Анастасия Валерьевна Калюта — кандидат исторических наук, научный сотрудник Российского этнографического музея (РФ, Санкт-Петербург, Инженерная улица 4/1, anastasiakalyuta@mail.ru).

ние индейской знати в вице-королевстве Новая Испания — обширном территориальном образовании, созданным испанскими завоевателями в 1535 г. на территории современной Мексики и Центральной Америки. Стоит также коснуться и основных направлений политики адаптации представителей аборигенных элит Новой Испании к реалиям нового колониального режима. В силу ограниченности объема данной публикации основное внимание будет уделено трем примерам из разных областей вице-королевства, поскольку они весьма показательны и типичны именно как стратегия адаптации представителей аборигенных элит Новой Испании к «новому порядку».

Одним из основных факторов, определивших взаимодействие завоевателей с коренными народами центральной, западной и южной Мексики, а также Центральной Америки, было наличие у них собственной государственности и, как следствие, — развитой социально-административной системы и социальной стратификации. К моменту прихода испанцев на данной территории, помимо таких крупных государственных образований, как «ацтекская империя» и государство тарасков, существовало великое множество «княжеств», «сеньорий» и «королевств», каждое из которых управлялось наследственной знатью по выработанным веками законам. Именно эта социальная группа первой вступила в активные контакты с завоевателями и стала основным посредником между испанцами и большей частью коренного населения, зачастую опираясь на прежние правовые нормы и обычаи. Со своей стороны новые хозяева сделали все возможное, чтобы как можно быстрее испанизировать индейскую знать, опираясь, в первую очередь, на подрастающее поколение. Весьма показательны, что первая школа для детей ацтекской знати, где они были полностью изолированы от контактов со своими родителями, а преподавание велось на латыни и испанском языках, была открыта францисканцем Педро де Ганте в Мехико уже в 1525 г.

В целом политика испанской короны и ее представителей в американских колониях по отношению к аборигенным элитам была двойственной. С одной стороны, они стремились пресечь любые попытки индейской знати к восстановлению независимости [1, с. 235-236]. С другой стороны, испанская корона и ее администрация в колониях посредством законодательных актов, земельных пожалований и денежных субсидий поддерживали привилегированное положение лояльно настроенных представителей аборигенной элиты Новой Испании в сравнении с основной массой тяглогового индейского населения. Подобная политика диктовалась отнюдь не уважением к правам «естественных сеньоров». Основной причиной протекционистского отношения испанской короны к аборигенным элитам Новой Испании была демографическая ситуация. Численность коренного населения в вице-королевстве многократно превышала численность испанских колонистов [2, с. 62]. В такой ситуации удерживать в повиновении завоеванное большинство можно было только за счет последовательно осуществляемого принципа разделения сфер управления. Данный принцип предполагал сосуществование двух разных административно-правовых систем, каждая из которых обладала собственным аппаратом управления, формировавшимся из местной знати или просто общиной верхушки и именитых гражд-

Герб дона Педро де Моктесумы

посредниками в силу своего традиционного статуса лидеров и авторитета, подкрепленного вековыми представлениями о сакральном происхождении их власти. Не менее заинтересованной в существовании данной прослойки была и римская католическая церковь, поскольку распространение христианства среди индейцев в Новой Испании было возможно только при посредничестве местной знати и ее активной поддержке. Со своей стороны дети ранее независимых ацтекских, тараских и миштекских правителей были кровно заинтересованы в сохранении, пусть даже частичном, своего статуса и связанных с ним прав на владение наследственными землями, пользование трудом рядовых общинников и получении привилегий испанских дворян. Теперь рассмотрим, как этот процесс выглядел в каждом из конкретных случаев, выбранных для анализа.

ДЕТИ МОКТЕСУМЫ ШОКОЙОЦИНА ПОСЛЕ ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Первый пример непосредственно связан с городом Мехико, столицей вице-королевства, и с самым высокопоставленным семейством индейской знати — потомками последнего доиспанского правителя «ацтекской империи» Моктесумы Шокойоцина. После испанского завоевания из 19 детей правителя в живых остались всего шесть, причем двое из них умерли в молодости [3, с. 135]. Зато оставшиеся четверо — дон Педро де Моктесума Тлакауэпантли, а также три дочери — донья Исабель де Моктесума, донья Леонор де Моктесума, и донья Франсиска де Моктесума — играли весьма заметную роль в новом колониальном обществе. Стоит сразу обратить внимание на то, что их христианские имена имеют почетное титулование *don/doña*, образованное от латинских слов *dominus/domina* — «господин», «госпожа», которую в позднесредневековой Испании могли носить только представители самого высокородного дворянства, рассматривавшиеся как

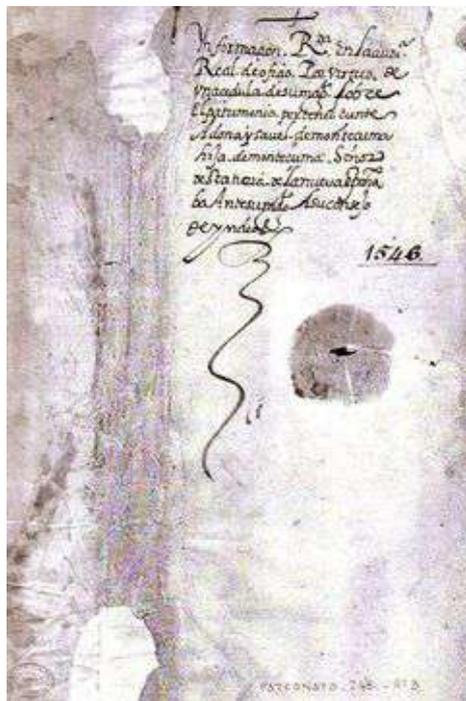
primos, т.е. кровные родственники королей. Таким образом, дети Моктесумы сразу при крещении получили статус дворян со всеми соответствующими привилегиями, включая освобождение от податей, трудовых повинностей, телесных наказаний, а также право носить оружие и ездить верхом. В 1530 г. дон Педро де Моктесума был назначен губернатором города Тулы-Шикокотилана, откуда родом была его мать [4, с. 233]. В 1539 г. ему также был дарован дворянский герб (Илл.1 Герб дона Педро Тлакауэпантли). В 1541 г. испанский король и император Священной Римской империи Карл V пожаловал дону Педро ежегодную ренту в 1000

Старшая дочь Моктесумы Шокойцина
Донья Исабель де Моктесума

песо золота *tepuzque*, т.е. низкопробного золота, смешанного с медью [5, с. 488]. В дальнейшем приемник Карла V Филипп II пожаловал дону Педро Тлакауэпантли 600 песо чистого золота в год [6, с. 211]. Наконец, в 1567 г. король жалует сыну Моктесумы еще 3000 песо золотом для учреждения майоратного владения [5, с. 371]. В 1569 г. дон Педро де Моктесума основал майоратное владение на территории современного штата Идальго, которое при его внуке доне Педро Тесифоне де Моктесуме было преобразовано в графство Тольтенко. Это графство просуществовало вплоть до отделения Мексики от Испании в 1821 г. [5, с. 494]. Тем не менее весьма показательно то, что ни Карл V, ни Филипп II так и не дали дону Педро Моктесуме ни одной значимой административной должности в самом Мехико за исключением главы небольшого квартала (*barrio*). Более того, Филипп II добился переселения его любимого сына и наследника Диего Луиса Илуитемокцина в Испанию, где тот и прожил до конца жизни.

Сестры дона Педро были взяты под опеку генерал-капитаном Новой Испании Эрнандо Кортесом и воспитывались до совершеннолетия в его доме. В 1526 г. самая старшая из них Исабель де Моктесума при вступлении в брак с конкистадором Алонсо де Градо получила в качестве приданого значительную часть территории города-государства Тлакопан, одной из трех «столиц» бывшей ацтекской империи. Всего в дарственной, составленной 27 июня 1526 г., упоминается «около 1240 домов вместе с их обитателями» [7, с. 380]. В 1527 г. ее младшая сестра Леонор (Марина по другим сведениям), вступая в брак с конкистадором Хуаном де Пас также получила в приданое «некоторые поселения» (так сказано в документе. — А.К.), конкретно, небольшой город Экатепек на севере долины Мехико [8, сс. 381-382]. Обе женщины стали родоначальницами нескольких дворянских родов, потомки которых живут и здравствуют по сей день. Донья Франсиска, самая младшая из дочерей Моктесумы Шокойцина, не получила столь солидного приданого, но вышла замуж за своего двоюродного брата дона Диего Уаницина [3, с. 29]. Дон Диего Уаницин стал первым гу-

Первая страница письма доньи Исабель в Королевскую Аудиенцию Мехико

есть это правило, и одна наставница с хлыстом в руке, чтобы обучать. И также у доньи Леонор». [4, с. 233-234].

Не стоит думать, что все эти милости и пожалования дети и внуки Моктесумы Шокойоцина получали без каких-либо усилий со своей стороны. Напротив, они регулярно писали сначала Карлу V, а потом и Филиппу II пространные письма о своем бедственном положении, напоминали об особых заслугах Моктесумы, «добровольно» уступившего власть Кортесу как законному представителю испанской монархии и требовали постоянного повышения пожизненной ренты. Особенно показательным в этом отношении последнее письмо дон-а Педро де Моктесумы Филиппу II, датированное 31 марта 1569 г. уже после учреждения майората: «Дон Педро де Монтесума, сын покойного Монтесумы, который был сеньором этого города Мехико и Новой Испании, целую королевские ноги и руки Вашего величества и как его нижайший подданный и вассал из всех, что Ваше Величество имеет в этом Новом Свете прошу...поскольку эта страна очень дорогая и 3000 песо достаточны только для среднего дома обычного жителя, а не такого человека как я... за счет, которого кормятся 200 родственников... соизвольте Ваше Величество подумать, как и когда я избавлюсь от этих забот и долгов, смиренно прошу увеличить эту ренту, по крайней мере, еще на 1000 песо, и пусть мне платят еще 600 песо как платили раньше, таким образом, Ваше Величество очистит свою совесть» (9, с. 3).

Не менее активны в требовании королевских милостей и привилегий были две старшие дочери Моктесумы, донья Исабель и донья Леонор, хотя

бернатором нового, созданного на развалинах ацтекской столицы Теночтитлана, чисто индейского по составу, в полном соответствии с политикой расовой сегрегации административного образования Сан-Хуан-Теночтитлан.

В документах середины XVI в. упоминаются исключительное христианское благочестие двух старших сестер, их щедрые пожертвования церквям и монастырям и особое усердие, с которым они заставляли своих служанок молиться новому богу. Так, в «Сообщении о генеалогии и роде сеньоров, которые правили в этой Новой Испании», датированном 1532 г., его автор, вероятно монах-францисканец, заявляет: «Я знаю, что они наставляют и обучают в своих домах, и о том порядке, которой у них существует, — заставлять молиться своих служанок вечером и утром. У доньи Исабель молятся сто женщин и более, и у нее

в силу своего положения замужних женщин они были вынуждены действовать через своих испанских мужей, писавших письма королю от их имени. Обе женщины, точнее их мужья, утверждали, что они и есть единственные законные наследницы всего движимого и недвижимого имущества Моктесумы и, более того, его прав на власть «как естественного сеньора» [6, сс. 151, 259-260]. В 1546 г. донья Исабель де Моктесума даже начала тяжбу с Королевской Аудиенсией Мехико, требуя вернуть ей как единственной законной наследнице Моктесумы и его главной жены, все движимое и недвижимое имущество родителей. Одним из объектов тяжбы оказалось само здание Королевской Аудиенсии, высшей судебной инстанции Новой Испании, как построенное на развалинах дворца Моктесумы [10, с. 61]. Судебный процесс с перерывами тянулся до 1556 г., когда Королевская Аудиенсия Мехико вынесла следующий вердикт: все имения, возвращения которых требовала донья Исабель, к тому времени уже скончавшаяся, являются законным наследством истицы и ее детей, внуков Моктесумы. Однако они уже давно либо принадлежат испанской короне, либо розданы конкистадорам и первым колонистам, поэтому их возврат прежним владельцам породит всеобщее возмущение со стороны нынешних владельцев и, следовательно, невозможен. Тем не менее, учитывая исключительные заслуги Моктесумы перед испанской монархией и особое положение его детей и внуков, судьи постановили: «Мы считаем, что для облегчения королевской совести этим сыновьям и дочерям вышеназванной доньи Исабель, как внукам Моктесумы, который был сеньором этой страны, надлежит оказывать всяческие милости и выплачивать вознаграждение» [10, с. 266]. Денежные компенсации потомкам Моктесумы действительно выплачивались вплоть до отделения Мексики от испанской монархии.

Реальное материальное положение детей Моктесумы и степень вовлеченности в экономику вице-королевства отражают их завещания, составленные по всем правилам тогдашней испанской юриспруденции. Особенно любопытно в этом отношении завещание дон Педро де Моктесумы, составленное на испанском языке в Мехико 8 сентября 1570 г. Благодаря этому документу известно, что помимо майоратного владения на территории современного штата Идальго дон Педро имел большой дом в квартале Сан-Себастьян Ацакуалько на северо-востоке Мехико [11, с. 380]. Он также владел имениями в окрестностях Мехико и в Тенаюке, фермами по разведению овец и коз и полями пшеницы и кукурузы в окрестностях города Тулы на территории современного штата Идальго [5, с. 493]. Кроме того, сын Моктесумы нередко ссужал деньги в долг как индейцам, так и испанцам. Среди его должников в завещании упоминаются донья Мария Ариас де Сотело, супруга алькальда города Мехико, переводчик Королевской Аудиенсии Мехико, а также внук конкистадора энкомендеро Габриэль Чавес [11, сс. 383-384]. Общая сумма долга разных лиц дону Педро, согласно завещанию, составляла 1027 песо обычным золотом и 800 песо золотом из рудников, что, значительно меньше, чем пожалованная ему королем ежегодная рента в 3000 песо чистым золотом из рудников, но больше чем общая сумма его собственных долгов 891 песо [11, р. 383]. Среди этих долгов упоминаются: счета портным, один из которых испанец, а другой индеец, стоимость колокола, который дон Педро даровал францисканскому

монастырю, а также деньги, уплаченные за некий зеленый камень, скорее всего жадеит, ценившейся у коренных народов Месоамерики выше золота [11, сс. 382-384]. Дон Педро действительно был человеком, жившим в двух мирах.

Завещание его сводной сестры доньи Исабель де Моктесума также свидетельствует о ее высоком статусе, весомой роли в новом обществе, материальном достатке и высокой степени аккультурированности. Правда, как замужняя, а, следовательно, зависимая женщина она должна просить у своего супруга конкистадора Хуана Кано де Сааведра разрешения составить завещание, и в отличие от брата донья Исабель, прежде всего, говорит о той части имущества, которая принадлежала ей еще до вступления в брак с Хуаном Кано. В качестве такового в завещании упоминаются «индейцы и поселения», по всей видимости, те, что донья Исабель получила в приданое от Э.Кортеса [12, с. 491]. Помимо них в завещании говорится и о настоящих рабах. Это «индейцы и индеанки, уроженцы этой земли, которыми мой муж и я владеем как своей собственностью» [12, с. 490]. Кроме домашних рабов у доньи Исабель в услужении были и лично свободные люди, поскольку она просит выплатить задержанное им жалованье [12, с. 491]. В документе также перечисляются предметы домашнего обихода, которые явно свидетельствуют об испанизации повседневной жизни доньи Исабель. Среди них мы встречаем особо тонкое полотняное белье, постельные принадлежности и «местные кровати» дословно *camas de estas tierras*, шпалеры, кожаные обои с золотым теснением, подушки, полотенца, занавеси [12, с. 492]. Особое внимание донья Исабель уделяет своим платьям, желая, чтобы все они достались ее дочерям. Завещание заканчивается следующей формулировкой, которая, скорее похожа на требование, чем на просьбу: «И я прошу Его Величество соизволить утвердить, одобрить и принять все мои распоряжения в этих двух главах и пунктах относительно этих моих детей в искупление того многого, что мне он должен, поскольку я законная дочь и наследница Монтесумы, моего отца, который был сеньором этой Новой Испании. И это мне дано в качестве возмещения того, что должны моему отцу» [12, с. 494].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙСКОЙ ЗНАТИ В МИЧИОКАНЕ НА ЗАПАДЕ НОВОЙ ИСПАНИИ В XVI—XVII ВЕКАХ

Успешная интеграция детей и потомком Моктесумы Шокойцина отнюдь не была исключением, связанным с особым положением их отца как последнего «универсального естественного сеньора» Мексики. Обратимся теперь к западной части вице-королевства Мичоакану, бывшему государству тарасков, где аналогичное положение заняли потомки его последнего правителя Цинцичи Тагашуана II, в первую очередь, его сын дон Антонио Уицменагари и его внук дон Константино Уицменагари. В данном случае благодаря удаленности Мичиокана от Мехико сын и отец не только в значительной мере сохранили свой прежний статус и власть над коренным населением, но и успешно использовали свои связи с чиновниками Королевской Аудиенсии Мехико и ацтекской знатью для своего обогащения и дальнейшего укрепления позиций в «республике индейцев». Дон Антонио

Уицменагари был признан испанскими властями как касик и пожизненный губернатор города Пацкуаро, расположенного вблизи прежней столицы государства тарасков Цинцунчина [13, сс. 127-128]. В действительности его власть распространялась на территорию почти всего Мичоакана, на которой были расположены более 60 крупных поселений с собственными губернаторами [13, с. 134]. В функции дона Антонио входили мобилизация населения для обороны границы от бродячих племен чичимеков, строительство дороги по направлению к Сакатекасу и основание пограничных поселений [13, с. 128]. Подвластные ему индейские общины были обязаны по очереди поставлять ему людей для работы в его доме и на его полях и делать регулярные подарки по случаю важных событий в его семье. Любопытно, что в документах на тараском языке дон Антонио и его сын по-прежнему именуется *irecha* [13, с. 127]. До испанского завоевания это был титул верховного правителя тарасков. В силу некоторых сомнений в его законнорожденности и общего стремления испанской монархии ограничить власть аборигенной элиты в колониях Испании дон Константино официально был уже выборным губернатором Пацкуаро. Впрочем, благодаря связям в Мехико и внушительной партии своих сторонников в Мичоакане ему удавалось это делать целых девять лет подряд — с 1586 до 1595 г. [13, сс. 127, 134-135].

Источники доходов отца и сына Уицменагари не ограничивались только жалованием за службу. Как и в случае с детьми Моктесумы, благодаря своим настойчивым просьбам и постоянно декларируемой лояльности сын и внук Цинцичи Тагоншоана II получали от испанской короны субсидии деньгами и продуктами. Так, в 1593 г. дон Константино получил от Королевской Аудиенсии ежегодную ренту в размере 400 песо обычным золотом и 200 фанег* маиса [13, с. 142]. Конечно, столь скромное пожалование никак не соответствовало его рангу и образу жизни. Поэтому в том же году дон Константино попросил даровать ему 4000 песо пожизненной ренты с целью создать свое собственное майоратное владение, как это сделал дон Педро де Моктесума [13, с. 142]. В этот раз Филипп II поспешил, и дону Константино пришлось удовольствоваться гораздо более скромной рентой в 500 песо в течение его собственной жизни и жизни его сына. В дальнейшем выплата этой ренты была подтверждена специальными королевскими постановлениями 1635, 1672 и 1680 гг. [13, сс. 142]. Кроме того, благодаря выгодным бракам и покупкам земли отец и сын Уицменагари стали одними из крупнейших земельных собственников в Мичоакане. Они владели не только обширными земельными участками, обрабатывавшимися сотнями арендаторов, но и скотоводческими хозяйствами, мельницами, плантациями сахарного тростника, а также зданиями в городах Мичоакана, в том числе дворцом на главной площади Пацкуаро, известным впоследствии как «дом губернатора», и госпиталем Сан-Хуан-де-Диос [13, с. 141].

Отношения с католической церковью у сына и отца Уицменагари в целом были дружественными, хотя порой их омрачали некоторые досадные

* Мера объема сыпучих тел, равная, примерно, 55,5 л.

Дон Антонио Уицменагари

наряды и лошадей, которых часто дарит. Он чрезвычайно опасен для чести индейцев... Пусть подсчитают, что именно он должен получать в качестве дохода и не более того или пусть его отправят в Испанию, потому что его пребывание здесь представляет большую опасность» [14, с. 56]. Тем не менее Филипп II проигнорировал эту рекомендацию, поэтому дон Антонио благополучно прожил всю жизнь в Мичоакане, оставив достойного наследника в лице донна Константино.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МИШТЕКСКОЙ ЗНАТИ НА ТЕРРИТОРИИ ОАХАКИ В XVI—XVII ВЕКАХ

Обзор масштаба интеграции индейской знати в новое общество был бы неполным без рассмотрения Оахаки — одной из самых богатых и экономически важных областей вице-королевства, где до сих пор проживает значительная часть индейского населения и которая является средоточием многих аборигенных традиций и социальных институтов. Оахака, в том числе миштекские раннегосударственные образования — «княжества» — на ее территории, были силой присоединены к Новой Испании в 1520—1540-х гг. Период с 1550 по 1660 г. называют «золотым веком» миштекских касиков. Благодаря политике испанской монархии, заинтересованной в лояльных управленцах из числа местной элиты, а также поддержке монахов доминиканского ордена, избравших Оахаку центром своей деятельности, миштекские касики не только сохранили свои владения и власть, но и подобно ацтекской и тараскской знати получили статус и привилегии испанских дворян. Они также сохранили прежние правила наследования вла-

недоразумения. Оба получили образование у францисканских миссионеров, причем дон Антонио учился у знаменитого просветителя и гуманиста Васко де Кирогги, которого индейцы ласково прозвали *tata Vasco* — «папа Васко». Некоторые недоброжелательно настроенные монахи писали Филиппу II на донна Антонио Уицменагари самые настоящие доносы под видом реляций. Вот, что, например, некий фрай Франсиско де Мена сообщал королю: «..индеец по имени дон Антонио в королевстве Мичоакан, который, Господи помилуй, лучше бы никогда не учился, говорят, что он сын кацонси или короля этой земли во времена ее язычества, он водится с большой компанией распущенных испанцев, которые называют его королем. Он совершает великие тиранства, расточая деньги без счета, тратит много денег на свои обеды,

сти по обеим линиям — мужской и женской. Поэтому около 1550 г. касиком, точнее, касикой, провинции Тототепек — обширного государственного образования, которое занимало территорию от Теуантепекского перешейка до пограничья современных штатов Оахака и Герерро — стала дочь доиспанского правителя Ана де Соса. Трижды — в 1554, 1559 и 1561 гг. — она успешно защищала свои права на Тототепек в суде и правила этой областью вплоть до своей смерти в 1570 г. [15, с. 188]. Больше о ней ничего неизвестно, кроме документов, связанных с ее имуществом, ныне хранящихся в архивах Мехико и Оахаки. А. де Соса владела 12 эстансиями, 31 плантацией какао, обширными пастбищами и полями, солеварнями, рыбными ловлями и многочисленными строениями, включая дворец в Тототеке, центре провинции. Ее доходы превышали доходы крупнейшего энкомендеро Оахаки дона Тристана де Луна и Орельяно и уступали только доходам самого Эрнандо Кортеса в долине Оахака и на Теуантепекском перешейке [15, с. 189]. Фактически А. де Соса была самой богатой и могущественной женщиной в южной части Новой Испании. Архивы сохранили для нас также имена ее двух современниц — Каталины де Перальты из Тепосколулы и Марии де Сааведры из Тлашиако. Состояние Каталины оценивалось более чем в 6000 песо чистого золота [15, с. 190]. В числе ее владений была лучшая в регионе солеварня, а также 20 участков плодороднейшей земли в долине Тепосколулы и огромные яблоневые, персиковые и апельсиновые сады, которые она сдавала в аренду испанцам, богатым индейцам, а также монахам иезуитам и доминиканцам. М. де Сааведра унаследовала самое большое имение в Тлашиако на период с конца XVI по начало XVII столетий, состоявшее из девяти крупных полей, фруктовых садов и пастбищ [15, с. 191]. В 1581 г. она подарила крупный участок земли доминиканскому монастырю в Тлашиако. Среди ее движимого имущества выделяется коллекция серебряной утвари и украшений и гигиенических принадлежностей, включающая даже серебряные зубочистки и копоушки [15, с. 191].

Исходя из рассмотренных выше примеров, можно сделать следующие выводы. Уже к середине XVI в. индейская знать Новой Испании, в первую очередь ее верхушка в лице потомков доиспанских правителей, стала органичной частью элиты нового колониального общества. Столь быстрая и успешная интеграция аборигенной знати в колониальное общество была обусловлена не только заинтересованностью испанской монархии и католической церкви в создании прослойки надежных посредников для управления основной массой индейского населения. Это было также результатом вполне осознанной и последовательно осуществлявшейся стратегии индейской знати, направленной как на сознательную испанизацию, так и на сохранение своего прежнего привилегированного статуса и земельных владений. Среди элементов этой стратегии следует выделить «добровольное» признание власти испанских монархов; «добровольное» принятие христианства, зачастую в весьма поверхностной форме; активное сотрудничество со светскими и церковными властями; участие в новых экономических видах деятельности, включая аренду земли и денежные ссуды частным лицам и церковным организациям; умелое манипулирование своим статусом «естественных сеньоров», незаконно и незаслуженно лишенных прежних богатств.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Калюта А.В. Аптеки: родство, гендер, возраст. Опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV-XVII веков. СПб, Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып 10. СПб, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2006, 316 с. [Kalyuta A.V. Acteki: rodstvo, gender, vozrast. Opyt istoriko-sociologicheskogo issledovaniya mezoamerikanskogo obshchestva vekov XV-XVI. [Aztecs: Kinship, Gender, Age. An Attempt of Historical and Sociological Research of Mesoamerican Society in XV-XVII centuries]. SPb, Algebra rodstva. Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. Vyp 10. SPb, Muzej antropologii i etnografii (Kunstkamera) RAN, 2006, 316 p. (In Russ.).
2. Комиссаров Б.Н, Петрова А.А. Саламатова О.В., Ярыгин А.А. Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в западном полушарии. СПб, Издательство Санкт-Петербургского университета. 1992, 227 с. [Komissarov B.N, Petrova A.A. Salamatova O.V., Yarygin A.A. Tri veka kolonialnoj Ameriki. O tipologii feodalizma v zapadnom polusharii. [Three Ages of Colonial America. Concerning the Typology of Feodalism in the Western Hemisphere]. SPb, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1992, 227 p.
3. Alvarado Tezozomoc H. Crónica Mexicayotl. *Tres crónicas mexicanas. Textos recopilados por Domingo Chimalpahin. Paleografía y traducción Rafael Tena.* México: Cien de México, pp. 26-155.
4. Prem H.J., Dedenbach-Salazar Saenz S. Sachse F., Seeliger F. Relación de la genealogía y origen de los mexicanos. Dos documentos del Libro de Oro. Bonn: Rheinische Friedrich Universität, Mexico: UNAM, 2015, 436 p.
5. Kalyuta A. El arte de acomodarse a dos mundos: la vida de don Pedro de Moctezuma Tlacahuepantli según los documentos del Archivo General de la Nación (México D. F.) y el Archivo General de Indias (Sevilla, España). *Revista española de antropología americana*, Vol. 41, núm. 2, 2011, pp. 471-500.
6. Pérez Rocha E., Tena R. eds. La nobleza indígena del centro de México después de la Conquista. México: INAH, 2002, 459 p.
7. Cortés H. Donación de tierras a doña Isabel Motecuhzoma hecha por Hernán Cortés. Martínez J.L. ed. *Documentos cortesianos 1518-1528.* Secciones I a III. México: UNAM, 1993, pp. 377-381.
8. Cortés H. Donación de tierras a doña Marina Motecuhzoma hecha por Hernán Cortés. Martínez J.L. ed. *Documentos cortesianos 1518-1528.* Secciones I a III. Mexico: UNAM, 1993, pp. 381-382.
9. Montezuma Pedro. Carta de don Pedro de Montezuma al rey Felipe Segundo de 31 marzo de 1569. Patronato, 245, R.4/1/1/4. Archivo General de Indias.
10. Pérez Rocha E. ed. Privilegios en lucha. La información de doña Isabel de Moctezuma. México: INAH, 1998, 292 p.
11. Rojas de J.L. Por el humo se sabe dónde está el fuego. Evidencias de la complejidad social novohispana en el testamento de don Pedro Moctezuma (Siglo XVI). *Revista de investigaciones jurídicas.* num. 25, 2001, México: Escuela libre de derecho, pp. 379-392.
12. López de Meneses A. Tecuichpochtzin, hija de Moteczuma (1510-1550). *Revista de Indias*, núm.9. vol.31. Madrid, 1948, pp. 471-495.
13. Castro Gutiérrez F. El cacique don Constantino Huitzimengari y adaptación de la nobleza nativa al orden colonial. Lesbre P., Mikulska K. ed. *Identidad en palabras. Nobleza indígena novohispana.* México: UNAM, Varsovia: Universidad nacional de Varsovia, Centro de Estudios Ibéricos e Iberoamericanos, 2015, pp. 127-155.

14. Rojas de J.L. Cambiar para que yo no cambie. La nobleza indígena en la Nueva España. Buenos Aires, Montevideo, México, 352 p.

15. Spores R. Mixteca *Caciccas*. Status, Wealth, and the Political Accommodation of Native Elite Women in Early Colonial Oaxaca. *Indian Women of Early Mexico*. Edited by Susan Schroeder, Stephanie Wood and Robert Haskett. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1997, pp. 185-192.

Anastasia V.Kalyuta (anastasiakalyuta@mail.ru)
Cand. Sci. (History), Researcher of Russian Museum of Ethnography

4/1, Inzhenernaya Str., St. Petersburg, Russian Federation

The art of life in two worlds: New Spain indigenous nobility in XVI—XVII centuries

Abstract. The article examines legal and social-economical situation of the indigenous nobility in the Viceroyalty of New Spain – vast administrative unit created by Spanish conquerors on the territory of modern Mexico and Central America in 1535. It also raises the question of adaptation strategies of indigenous elites to new social, economical and cultural realities focusing on three case studies of native elite members in the Basin of Mexico, western and south-western Mexico. The emphasis is made on the politics of the Spanish Crown toward the indigenous elite and factors that determined it. The article accentuates the interest of Spanish secular authorities and the Catholic Church in maintaining privileged position of indigenous nobility to use them as mediators in government of the bulk of Indian population. It also raises question about adaptation strategies of aboriginal elites to new social, economical and cultural conditions applying three case studies: the children of the last Prehispanic ruler of the “Aztec empire” Moctezoma Xocoyotzin, the descendants of the last ruler of Tarascan (Purepecha) state Tzintzincha Tangaxuan in the west of Mexico, and Mixtec caciques of Oaxaca – historical region in the southwestern Mexico. In each case economical and legal situation of these indigenous nobles, the degree of their general hispanization and involvement in economical and social relations of viceroyalty are examined. The article draws conclusion about relatively rapid and successful integration of indigenous nobility in colonial society through well-elaborated and successfully realized adaptation strategies to new economical, social and cultural realities, including “voluntary” acceptance of Christianity.

Key words: New Spain, indigenous nobility, social and legal status, adaptation strategies.

DOI: 10.31857/S0044748X0008146-9

Received 06.08.2019.